

Современная Россия: география с арифметикой

Опубликовано в журнале *Отечественные записки*, номер 1, 2012

Прошло двадцать постсоветских лет, Россия меняется, но многим кажется, что слишком медленно или даже не в ту сторону, где виден свет в конце туннеля. В политологии, социологии, институциональной экономике ведутся серьезные дискуссии о скорости и векторе перемен. Диапазон оценок широчайший — от надежды «дойти до светлого будущего» (после политических событий конца 2011 года оптимистов стало больше) до «приговора народного суда» неисправимой стране, неспособной выбраться из наезженной колеи. Доводы одних и контраргументы других весьма убедительны, вектор экспертных оценок неочевиден.

Мешает взгляд на Россию как на единое целое, хотя она внутренне очень неоднородна. Если же неоднородность и учитывается, то в традиционной региональной проекции — экономического неравенства регионов, различий в занятости, доходах и уровне жизни, демографических, бюджетных и прочих показателях. С помощью разных рейтингов регионы сортируются в таблицу о рангах, на одном полюсе при этом всегда Москва с богатыми нефтегазовыми округами, на другом — Ингушетия с Тывой и Калмыкией. Еще по десятку регионов можно добавить к каждому из этих полюсов, а множество остальных провисают между ними. В чем разница между Челябинской и Пензенской областями или между Карелией и Удмуртией? На карте она видна, а в векторе развития и перемен — поди разберись.

Для прояснения картины географы обычно используют метод типологии. Какие-то типы очевидны — крупнейшие федеральные города, нефтегазовые и металлургические регионы, качающие и кующие всей стране валюту, слаборазвитые республики. А как делить дальше, если в 2/3 регионов экономические и социальные показатели различаются несущественно? Можно традиционно — на Поволжье, Урал и Сибирь, но это мало что объясняет, в том же Поволжье очень разные регионы по уровню развития и образу жизни населения. Еще одно традиционное разделение — на республики и так называемые русские регионы. Однако слаборазвитые республики Северного Кавказа и юга Сибири очень сильно отличаются и от богатого Татарстана, и от сильно обрусевших Карелии с Хакасией, в которых доля титульного этноса немногим больше 10 процентов.

Многое становится более понятным, если сменить оптику, то есть масштаб. В действительности вместо одной России можно увидеть не 83, по числу ее регионов, а всего лишь три или, может быть, четыре.

Россия-1

«Первая Россия» — страна больших городов. Их количество невелико — 73 из более чем тысячи российских городов, если считать крупными все города с населением свыше 250 тысяч человек. Однако только в 12 городах-миллионниках, включая федеральные, и еще в двух близких к ним по численности (Красноярск, Пермь — 970–990 тыс. человек) суммарно проживает более 21 % населения страны, то есть каждый пятый россиянин. В том числе в Москве и Санкт-Петербурге — каждый девятый житель страны, и это немало для изменения политической «погоды».

Преимущества федеральных городов очевидны — это лидеры постиндустриальной экономики с высоким уровнем развития: душевой валовой региональный продукт (ВРП) Москвы составляет 47 тыс. долларов по паритету

покупательной способности, Санкт-Петербурга — 22 тыс. долларов, что сопоставимо с показателями развитых стран. В федеральных городах живет образованное население — высшее образование имеет 42 % взрослого населения Москвы и 37 % — С.-Петербурга. В них же самый разнообразный рынок труда и больше всего высокооплачиваемых рабочих мест. Разница, конечно, есть — Москва существенно опережает северную столицу по всем экономическим показателям, включая душевые доходы населения: в Питере они на 40 % ниже и почти такие же, как в Московской области. Есть различия и в политике властей — в Москве никому не придет в голову начинать новую индустриализацию, а власти Питера пытаются это делать, приманивая промышленных инвесторов. Но все эти различия не отменяют главного — в двух столицах более модернизированный образ жизни населения. Всего ли населения? Ответ неоднозначный. Возрастная структура населения федеральных городов сильно постарела, доля жителей пенсионного возраста в Москве и С.-Петербурге достигла 24–25 %, поэтому «лужковские» надбавки к пенсии и другие механизмы помогают контролировать немалую часть пожилого электората.

Для других городов-миллионников двадцать лет также не прошли бесследно. Хотя в экономике Уфы, Перми, Омска, Челябинска и Волгограда все еще доминируют советские промышленные предприятия-гиганты (нефтеперерабатывающие и металлургические), в занятости этого давно уже нет. Постиндустриальная трансформация идет с разной скоростью, быстрее всего — в Екатеринбурге, Новосибирске, в Ростове-на-Дону (с поправкой на южную специфику) и в Казани. Первые три города исторически сформировались как межрегиональные столицы Урала, Сибири, Юга. Утратив советскую машиностроительную специализацию в период кризиса 1990-х, они быстрее других городов трансформируются в крупные центры сервисной экономики. Екатеринбург за десять лет превратился из места разборок «уралмашевских» братков в город с конкурентоспособными услугами высшего образования, люксовой торговли, в центр современной культуры. Мотором постиндустриального развития Казани стали даты — и выдуманные, вроде ее тысячелетия, и реальные (проведение Универсиады). Умение властей Татарстана перенаправлять в свою пользу федеральные инвестиции вкупе с немалыми собственными доходами нефтедобывающей республики дали зримый результат: быстро меняется городская среда, создаются рабочие места, Казань растет, подпитываясь стабильным притоком мигрантов из глубинки. Но это же отчасти и проблема — мигранты привносят в город сельскую традиционность, которой и так немало. Медленнее всего процесс модернизации идет в Волгограде, и опять мешает колея унаследованного развития. Этот город советской индустриализации выглядит как растянувшаяся на 70 км вдоль Волги цепочка промзон многочисленных крупных промышленных предприятий. В рыночных условиях почти все они стали проблемными, но не закрыты. Кроме того, Волгоград никогда не был губернским центром, слой унаследованного культурного гумуса тонкий. Индустриальная ментальность населения и слаборазвитость городской среды существенно замедлили трансформацию, но, хоть и с опозданием, она постепенно набирает обороты.

Во всех городах-миллионниках изменилась структура занятости: выросла доля квалифицированных «белых воротничков», выше занятость в малом предпринимательстве, и даже в бюджетных отраслях больше квалифицированных работников. Эти города первыми перенимают столичные модели потребительского поведения, хотя заработки здесь в полтора-два раза ниже, чем в Москве. Именно в городах-миллионниках концентрируется тот самый средний класс, «рассерженные горожане», вышедшие на улицы в декабре 2011 года. Хотя будем честны — большая их часть проживает в огромной и сверхбогатой Москве. Остальные города-миллионники куда менее активны — не хватает количества, чтобы перейти в новое качество. Но это только вопрос времени — «гроздь гнева» будут набухать по объективной причине: миграция в России направлена в крупнейшие города, доля мигрантов в населении

страны растет. Разница только в том, что Московская столичная агломерация и С.-Петербург с Ленинградской областью стягивают мигрантов со всей страны, концентрируя соответственно 60 и 20 % всей чистой миграции в России, а другие крупнейшие города притягивают мигрантов в основном из своего региона, в первую очередь — молодежь, приехавшую получать высшее образование. Растущая концентрация активного и конкурентоспособного населения в крупнейших городах — это приговор «вертикали власти».

В «первую Россию» можно включить и города с населением свыше 500 тыс. человек, что повышает ее долю в населении до 30 %. Города-полумиллионники разные, но совсем полусонных среди них нет. Они быстро трансформируются, если появляются большие деньги, как, например, в Тюмени и Краснодаре. Южный Краснодар с 750-тысячным населением многие десятилетия существовал в тени Ростова-на-Дону, но в 2000-е годы в нем быстро развиваются не только развлекательные услуги, сеть ресторанов и баров, но и деловые услуги, высшее образование. В конце 2000-х Краснодар значительно опережал все крупнейшие города страны по важнейшим душевым показателям — инвестициям и вводу жилья. Помимо очевидного перетока в столицу Кубани части средств, выделенных на сочинскую Олимпиаду, есть и более долговременный по воздействию фактор: на юге комфортнее и дешевле жить, он привлекателен для инвесторов. Почти 600-тысячная Тюмень — еще один пример успешного «сбора дани», на этот раз с двух главных добытчиков нефти и газа (Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов). Результаты примерно те же — от быстрого развития высшего образования до создания множества развлекательных и торговых центров. Оба города окружены сельской периферией, поставляющей им новых жителей, политически очень пассивных, да и местная власть куда более авторитарна, чем в других регионах. Жива еще присказка: «Тюмень, Тюмень, столица деревень...». Но высшая школа развивается и кует, кует, кует — тех самых новых горожан, которые вскоре потребуют и качественных рабочих мест, и свободы выбора.

МОСКВА СТОЛИЦА СССР

ПОСМОТРИТЕ, КАК МИРНО ГОРЯТ НАШИ ПЯТИКОНЕЧНЫЕ КРЕМЛЕВСКИЕ ЗВЕЗДЫ. ИХ СВЕТ ДАЛЕКО И УВЕРЕННО СВЕТИТ.

...В СЛУЧАЕ ЖЕ ВОЕННОГО НАПАДЕНИЯ НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ НАПАДАЮЩИЙ ИСПЫТАЕТ КАК СИЛУ НАШЕЙ ЖЕЛЕЗНОЙ САМОЗАЩИТЫ, ТАК И СИЛУ СВЕТА СОВЕТСКИХ РУБИНОВЫХ ЗВЕЗД, КОТОРЫЕ СВЕЯТ ДАЛЕКО ЗА ПРЕДЕЛЫ НАШЕЙ СТРАНЫ.

МОЛОТОВ

Самый оптимистический вариант — включить в «первую Россию» все города с населением более 250 тыс. человек, суммарно в них живут почти 40 % россиян, или 53–55 млн человек. Конечно, это разные города — от продвинутого вузовского и научного центра Томска с полумиллионным населением, где каждый пятый житель — студент, где есть независимые телеканалы, активная культурная жизнь, до трехсоттысячного Саранска, который, как и вся Республика Мордовия, голосует исключительно за «Единую Россию». В еще меньшей по населению Костроме жизнь вообще тихо застыла и десятилетиями почти не меняется. Но кризисы 1990–2000-х годов показали, что почти все города с населением свыше 250 тыс. жителей были более устойчивыми. Размер города, особенно в сочетании с функцией региональной столицы, имеет значение, это важно понимать в ожидании новой волны кризиса. Поэтому границу «первой России» можно проводить по разным критериям — исходя из динамики трансформаций (тогда это полумиллионники) или из устойчивости (тогда, с некоторыми исключениями, это города с населением более 250 тыс. человек). Выбор за читателем.

Именно в крупных и крупнейших городах концентрируются 35 млн российских пользователей Интернета (по некоторым оценкам, всего их уже 50 млн) и российский средний класс, который хочет перемен. Его активность обусловлена не надвигающимся кризисом, а пугающей перспективой многолетнего путинского застоя с заржавевшими социальными лифтами. Хотя есть и экономический фактор — в коррумпированной стране дефицит инвестиций оборачивается для профессионалов-горожан дефицитом новых качественных рабочих мест. Протестная энергия «первой России» возникла без стимулирования кризисом и обвалом цен на нефть — вместо рефлексов homo eopoticus сработали механизмы морального отторжения. В случае нового кризиса удар по образованному городскому сословию будет сильным, но мобильность и более высокая конкурентоспособность жителей крупных и крупнейших городов позволят им быстрее адаптироваться к неблагоприятной ситуации.

Россия-2

«Вторая Россия» — страна промышленных городов с населением от 20–30 до 250 тыс. человек, хотя к ним нужно добавить и некоторые более крупные: население Череповца, Нижнего Тагила, Магнитогорска, Набережных Челнов, Сургута достигает 300–500 тыс. человек, а Тольятти — более 700 тысяч. Далеко не все города сохранили промышленную специализацию в постсоветские годы, но дух ее все еще силен, как и советский образ жизни населения. В дополнение к значительной индустриальной занятости (так называемые «синие воротнички») в этих городах много бюджетников, в основном невысокой квалификации. С малым бизнесом, как правило, напряженка — либо платежеспособный спрос населения низкий, либо институциональные барьеры высокие, все поделено между своими. Исключения, конечно, есть — например, в Магнитогорске разнообразный малый бизнес развит лучше, но он критически зависим от экономического положения Магнитки: падение зарплаты металлургов обрушивает спрос на услуги.

Во «второй России» живет более четверти населения страны, а в самой нестабильной ее части — монопрофильных городах — около 10 %, если считать корректно. Дело в том, что таких городов вдвое меньше, чем нам сообщает Министерство регионального развития РФ. По официальным данным, монопрофильных городов 334, но в их число включена сотня небольших поселков городского типа, два монопрофильных села и даже одна моностанция, этакий российский креатив. «Живых» моногородов с более-менее устойчиво работающими предприятиями вдвое меньше — около 150, а в остальных городах промышленные предприятия еще в 1990-х годах резко сократили численность занятых, поэтому их вряд ли можно считать монопрофильными.

Кризис 2009 года сильнее всего ударил по моногородам металлургической и машиностроительной специализации. Основные усилия властей были сосредоточены

на поддержке занятости любой ценой, вне зависимости от эффективности предприятия. Массово использовался механизм неполной занятости и общественных работ, а в некоторых регионах для увольнения требовалось разрешение прокурора. Несмотря на сильный спад промышленного производства, занятость удалось поддержать за счет больших бюджетных расходов. Более долгосрочная программа поддержки, ориентированная на диверсификацию экономики моногородов, оказалась неэффективной. В основном плодились бумажные «комплексные инвестиционные планы», в которых власти городов описывали, какие сектора экономики и производства надо бы развивать, но не могли сказать — кто же будет в них инвестировать? Большинство федеральных денег, выделенных на поддержку моногородов, досталось Тольятти, где государство, помимо гигантского кредита АвтоВАЗу, взяло на бюджетное содержание всю его социальную инфраструктуру и увольняемых работников. Намного меньше получил Нижний Тагил, главным было другое — государство выдало фактически безвозмездно более 20 млрд рублей Уралвагонзаводу, принадлежащему госкорпорации «Ростехнологии», и заставило еще одну госкомпанию — РЖД — обеспечить завод заказами на вагоны. В Пикалево, где протесты населения были наиболее заметными, федеральные власти решили проблему еще проще — заставили поставщика сырья, частную компанию «Фосагро», продавать его себе в убыток заводу, принадлежащему Олегу Дерипаске. Вот так, в режиме «ручного управления», и решались проблемы. Еще 30 моногородов получили из федерального бюджета по чуть-чуть, а там и конец кризиса забрезжил. Комплексные инвестиционные планы в основном остались на бумаге: кто же будет вкладывать средства в неконкурентоспособные города с сильнейшими социальными проблемами, если мало инвестируют и в гораздо более благополучные?

Если случится удар нового кризиса, именно для «второй России» он будет сильнейшим шоком, ведь старые проблемы никуда не делись, а предыдущий кризис подтвердил, что промышленность падает сильнее прочих отраслей экономики. Другой работы в этих городах почти нет, мобильность и конкурентоспособность населения невысоки, за исключением Тольятти и северных нефтегазовых городов. Найдутся ли деньги в федеральном бюджете, чтобы на треть повысить трансферты регионам и в разы увеличить поддержку занятости, как это было в 2009 году? Если нет, именно жители промышленных городов станут главным мотором протеста с требованием работы и зарплаты, что усилит давление на федеральную и региональную власть с перспективой принятия популистских решений. Многие из еле живых предприятий давно пора закрывать из-за неэффективности и убыточности, но этого не было сделано в кризис 2009 года и, скорее всего, не будет сделано и при возможном повторном шоке. Российские власти осознают опасность социального протеста «второй России» и, скорее всего, способны его погасить экономическими и административными мерами, пока в федеральном бюджете есть деньги.

Даже если новая волна кризиса усилит массовые протесты, «вторая Россия» будет бороться за занятость и зарплату, но останется вполне равнодушной к проблемам, волнующим средний класс. Федеральные власти это понимают и уже сейчас пытаются натравить «синих воротничков» на «первую Россию». Вероятно, мы вновь увидим шахтеров и металлургов, стучащих касками, но уже не у Белого дома, как в 1990-х годах, а где-нибудь около столичных бизнес-центров или медийно-образовательной «Стрелки» на Болотной набережной. Затея неплохая для тех, кто будет осваивать бюджет этой акции, но бесперспективная по сути — время работает против. Исследования Независимого института социальной политики показывают, что промышленные города, даже более благополучные, теряют привлекательность для жителей. В период экономического роста зарплата в промышленных городах росла медленнее, чем в региональных центрах, ведь государство быстро повышало заработки бюджетникам и управленцам благодаря огромной нефтяной ренте, а промышленный бизнес не мог теми же темпами наращивать свои издержки. В кризис же зарплата на

заводах снижалась быстрее из-за сильного промышленного спада. В результате численность населения в подавляющем большинстве промышленных городов быстро сокращается, молодежь переезжает в региональные центры и федеральные города. Так что пугать столицу Нижним Тагилом не стоит — хорошо бы ему хватило сил решить свои проблемы.

Очень многое зависит от того, где расположены средние города, как промышленные, так и почти утратившие эту функцию. Если вблизи крупных агломераций — за их будущее не нужно волноваться. Постепенно такие города становятся внешней периферией агломерации, в них выносятся или создаются жизнеспособные предприятия, работающие на большой рынок агломерации (пищевые, производство стройматериалов и др.), логистика, ведется новое жилищное строительство. Примером может служить город Копейск, который из полумертвого центра добычи бурого угля стал динамично развивающимся пригородом Челябинска. Города, расположенные на важнейших магистралях, также имеют более благоприятные перспективы развития, все смоленские города на минской автомагистрали, ведущей в Европу, постепенно, хотя и медленно, трансформируются в центры логистики и переработки для нужд Московской агломерации. Если же с местом локализации не повезло, город не исчезнет, он сожмется до размеров и функций локального центра, обслуживающего окружающую территорию. Исключения составляют только небольшие ресурсодобывающие города и поселки Крайнего Севера, но это — отдельная история.

Россия-3

«Третья Россия» — огромная по территории периферия, состоящая из жителей села, небольших поселков городского типа и малых городов. Суммарная их доля — немногим более трети населения страны. «Третья Россия» выживает «на земле», она вне политики, ведь календарь сельскохозяйственных работ не зависит от смены властей. Депопулирующие малые города и поселки с сильно постаревшим населением разбросаны по всей стране, особенно их много в Центральной России, на Северо-Западе, в промышленных регионах Урала и Сибири.

Сельское население концентрируется в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах, где сосредоточено 27 % сельских жителей страны. Южное «русское» село пока еще лучше сохранило свой демографический потенциал и ведет интенсивное личное подсобное хозяйство на плодородном черноземе, за счет чего и выживает. Крупный агробизнес вкладывается в наиболее доходные и нетрудоемкие отрасли земледелия (зерновое хозяйство, выращивание подсолнечника), лишая многих сельских жителей работы, а молодежь массово покидает село и перемещается в города, процесс урбанизации продолжается.

В других регионах жизнеспособны только пригородные села, расположенные вблизи крупных городов, их население моложе и мобильнее, больше зарабатывает, поскольку значительная его часть — трудовые маятниковые мигранты, работающие в крупных городах. Особенно быстро происходит трансформация сельской местности в пределах Московской столичной агломерации, где уже появилось много новых рабочих мест, не связанных с сельским хозяйством. И в самом сельском населении Подмосковья много приехавших из других регионов, а мигранты всегда более энергичны и адаптивны. В депопулирующих периферийных территориях все гораздо печальнее. Например, в Псковской области более 40 % всех сельских жителей — пенсионеры.

Дееспособное население периферий зарабатывает на жизнь собирательством грибов, ягод, кедровых шишек, ловлей рыбы. На Сахалине есть небольшие поселки и села, где, за исключением бюджетной сферы, вообще нет других рабочих мест, а люди не уезжают: сезон путины, когда красная рыба идет на нерест, кормит весь год. Занятость в теневой экономике отучает зависеть от государства, а те, кто зависим — бюджетники, пенсионеры, — не имеют сил и возможностей. Протестный потенциал

«третьей России» минимален, даже если начнутся кризисные задержки пенсий и заработной платы.

Автор не видит смысла подробно рассказывать о «третьей России», это ярко и убедительно сделано другими. Отсылаем читателя к книгам и статьям Татьяны Нефедовой, в том числе опубликованным в предыдущих номерах «Отечественных записок».

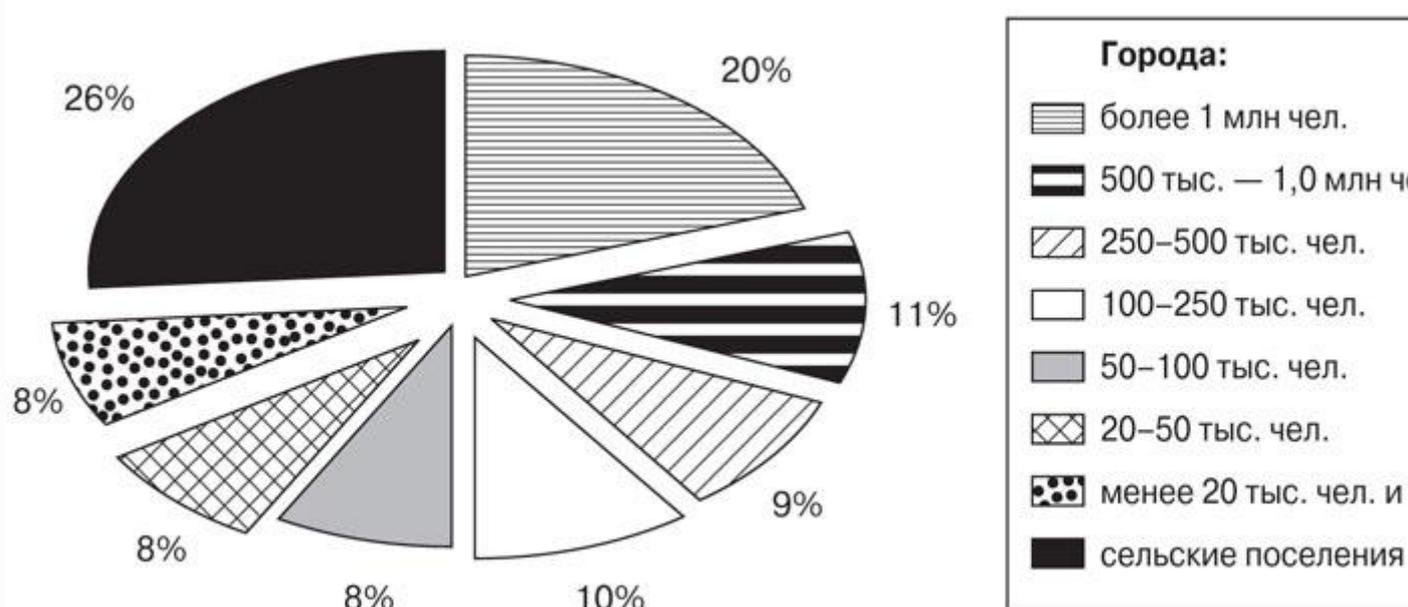

Рис. 1. Распределение населения России по городам разной величины и сельским поселениям в 2010 г., %

Россия-4

Три предыдущие России выделены в рамках центрo-периферийной модели, которая объясняет социальные различия географическим фактором, то есть положением в иерархической системе населенных мест — от наиболее модернизированных крупных городов до патриархальной сельской периферии. Эта модель вполне применима для большей части страны, но от нее придется отказаться при выделении «четвертой России». Так можно назвать слаборазвитые республики Северного Кавказа и, в меньшей степени, юга Сибири (Тыва и Алтай), где суммарно живет менее 6 % населения страны. В этих республиках есть и крупные, и небольшие города, но почти нет промышленных. Есть и формирующаяся агломерация: по данным статистики, в Махачкале 580 тыс. жителей, а с плотно застроенными пригородами — уже под миллион, и ускоренная урбанизация продолжается. Но в этой агломерации пока очень мало городского образованного среднего класса, и он вымывается, мигрируя в другие регионы, где ему более комфортно жить. В «четвертой России» численность сельского населения растет, и оно пока еще молодо, в отличие от других регионов страны. Сельская молодежь активно перемещается в региональные центры, но в них почти нет работы. Необходимо содействие своего клана, который поможет либо купить легальное рабочее место в бюджетном секторе, либо найти его в теневой экономике. «Четвертая Россия» сильнее поражена коррупцией, в ней намного острее борьба местных кланов за власть и ресурсы, этнические, религиозные противоречия. В результате слабее проявляются центрo-периферийные различия. С этим выводом можно спорить, население крупных городов Северного Кавказа, безусловно, более модернизировано, но пока не в той степени, чтобы сформировать модернизационный тренд для своей республики.

«Четвертая Россия» не отвалится, как бы этим ни пугали или как бы этого ни хотели. Подавляющее большинство жителей республик Северного Кавказа чувствуют себя россиянами. Но проблем очень много, в их решении огромную роль играет политика федеральных властей. На первый взгляд, она выглядит так: подкинуть больше денег туда, где неспокойно. Крики «хватит кормить Кавказ» не утихнут до тех пор, пока федеральные власти не покажут честно, как и кого они «кормят». Действительно, в 2009–2010 годах федеральные трансферты слаборазвитым республикам и доходы их населения росли опережающими темпами. Но давайте сравнивать корректно. В 2010 году объем трансфертов республикам Северного Кавказа, где живет 5 % населения страны, составил 161 млрд рублей, это 10,6 % всех трансфертов регионам из федерального бюджета, причем из всей суммы трансфертов республикам Северного Кавказа более трети (35 %, или 56 млрд рублей) получила Чечня. Для сравнения: регионы Дальнего Востока, где также живет 5 % россиян, получили больше (187 млрд рублей), в том числе небедная Якутия — 48 млрд рублей. Чтобы еще лучше понять масштабы, дадим небольшую справку: в 2012 году из бюджета Москвы только на решение транспортной проблемы планируется потратить в два раза больше денег, чем федеральный бюджет расходует на все трансферты республикам Северного Кавказа.

Приоритеты федеральных властей хорошо показывает еще одно сравнение: в 2011 году 25 % всех инвестиций из федерального бюджета получили Краснодарский и Приморский края (читай — Олимпиада в Сочи и саммит АТЭС во Владивостоке), всем республикам Северного Кавказа досталось 10,7 %, а очень богатой Москве — почти столько же (10,1 %). Так кого же кормит Кремль? Конечно, крайне важно, чтобы выделенная слаборазвитым республикам федеральная помощь расходовалась разумно и прозрачно, а не плодила коррупцию. На Кавказе с этим огромные проблемы, но и в других регионах ситуация ненамного лучше. Без модернизации управления всей страной проблем Кавказа не решить.

Вместо заключения: правильная карта России

Если нарисовать такую карту, то она покажет не территорию страны, полупустую и плохо обустроенную, а ее население, гораздо более концентрированное. И так, каждый пятый россиянин живет в городах-миллионниках, включая федеральные, и в близких к ним по численности населения. Если взять за нижнюю границу города-полумиллионники, то в крупнейших городах живет почти каждый третий. Это другое население — более образованное, молодое и мобильное, именно здесь концентрируется средний класс. И это другое качество жизни — с более развитой инфраструктурой и доступным Интернетом, отмиранием крепостной привязки к единственному рабочему месту. Доля более модернизированного населения растет благодаря миграциям в крупнейшие города, и это хорошая новость.

Стало быть, традиционная географическая карта с маленькими кружочками городов обманывает всех. Пора вывешивать в кабинетах Кремля и Белого дома, да и в школьных классах другую — с огромной Московской столичной агломерацией (13 % населения или каждый восьмой житель России) и дюжиной других крупных агломераций. Карта, построенная не по территории, а по численности населения (ее называют анаморфозой) показывает и властям, и всем нам, что в стране достаточно велика доля образованного, мобильного и обеспеченного городского населения. Такой электорат долго зомбировать невозможно, московские митинги на Болотной площади и проспекте Сахарова — тому подтверждение.

Но все-таки по численности это меньшинство. До последнего времени казалось, что географическая пропорция стабильно сдвинута в сторону патриархальной модели поведения: на 30 % образованного и модернизированного населения крупнейших городов, которому нужны современные «правила игры», приходится 34 % жителей села, поселков и малых городов. Между ними зависли менее крупные города-центры и средние индустриальные города «второй России», население которых иногда способно протестовать, потеряв работу и зарплату в случае кризиса, а власти научились с этим справляться. Казалось бы, вот она, столь любезная нынешнему политическому режиму стабильность. Однако и властям, и читателям нужно помнить законы физики: удельный вес мозгов выше. Раньше или позже «первая Россия» перевесит.